

С. В. Караваева*

РЕНЕССАНШОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ СОКРАТА**

Статья посвящена ренессансным интерпретациям образа Сократа, которые можно свести к двум основным тенденциям: во-первых, попытке вписать Сократа как образец античной мудрости и добродетели в гуманистическую образовательную программу, во-вторых, согласовать его образ с христианскими представлениями. В раннем Возрождении, у Колюччо Салютати, Леонардо Бруни, Джанноццо Манетти, Марсилио Фичино, Сократ — образцовый гражданин и основоположник моральной философии, а также, собственно, первый христианин до Христа. В Северном Возрождении (в первую очередь речь пойдет об Эразме Роттердамском) Сократ не только является образцом для подражания у христиан, но и представлен как символ парадоксальной природы христианства, образ которой подобен Сократу-силену из платоновского «Пира», впоследствии Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» сделает его «образом» самой книги, ключом к ее прочтению.

Ключевые слова: Сократ, Платон, философия эпохи Возрождения, Колюччо Салютати, Леонардо Бруни, Джанноццо Манетти, Марсилио Фичино, Эразм Роттердамский, Рабле.

S. V. Karavaeva

RENAISSANCE REVIVAL OF SOCRATES

The article is devoted to the Renaissance interpretations of the image of Socrates, which can be reduced to two main tendencies: first of all, an attempt to inscribe Socrates into the humanities educational program as an example of ancient wisdom and virtue, and secondly, to harmonize his image with Christian ideas. In the early Renaissance, Colluccio Salutati, Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti, Marsilio Ficino present Socrates is an exemplary citizen and founder of moral philosophy, who is, in fact, the first Christian before Christ. In the

---

* Караваева Светлана Викторовна, кандидат философских наук, старший преподаватель, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова; ksv.karavaeva@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

Northern Renaissance, the focus will be on Erasmus of Rotterdam, where Socrates is not only a role model for Christians, but also a symbol of the paradoxical nature of Christianity, the image of which is similar to Socrates-Silenus from Plato's *Feast*. Subsequently, Rabelais in *Gargantua and Pantagruel* will make him the 'image' of the book itself, the key to its interpretation.

Keywords: Socrates, Plato, Renaissance philosophy Coluccio Salutati, Giannozzo Manetti, Leonardo Bruni, Marsilio Ficino, Erasmus Roterodamus, Rabelais.

В своем обращении к античности мыслители эпохи Возрождения не обходят вниманием и фигуру Сократа. Причем сразу отметим — речь не идет об «историческом» Сократе, его образ, как и в античности, является интерпретируемым и обусловлен акцентами, которые тот или иной автор расставлял при прочтении сократической литературы, а также от его интеллектуальных, политических и религиозных установок.

Начнем мы с источников знаний о Сократе, которые сложились к началу Возрождения.

Нельзя сказать, что Сократ не был знаком средневековому латинскому читателю, в первую очередь его знали по трудам ранних христианских авторов и отцов Церкви (Лактанция, Евсевия, Минуция Феликса, Иеронима, Августин и др.), а также из сочинений позднеантичных авторов, наиболее известными из которых были Цицерон, Сенека, Апулей. Однако все эти источники, как можно заметить, вторичны. Из текстов же собственно греческих авторов о Сократе на латинский язык к началу XII в. были переведены «Федон» и «Критий», частично «Тимей» и «Парменид» Платона; ни Ксенофонт, ни Диоген Лаэртский, ни Аристофан не были известны вплоть до начала Итальянского Возрождения.

Ситуация меняется в XV в., когда с помощью византийских учителей появляется доступ к греческим текстам. Платон, Ксенофонт и Диоген Лаэртский становятся доступными на латыни: первым полным изданием Платона стал перевод Марсилио Фичино (1483–1484), Диоген Лаэртский был переведен монахом Амброджо Траверсари (ок. 1431), «Апология» Ксенофонта — монахом Леонардо Бруни (1407), «Меморалии» — кардиналом Виссарионом (1442). С 1320–1330 гг. начинаются переводы Аристофана и Лукиана, однако кроме отдельных случаев до XVI в. они не привлекают внимания исследователей, возможно, в силу своего антихристианского и антисократического характера (см. подробнее: [11, p. 338–339; 12]).

Гуманистическая образовательная программа предполагала также и переосмысление взглядов на литературу Отцов Церкви. Неудивительно, что ранние гуманисты встречают сопротивление со стороны христианства, считающего, что такое знание будет подрывать традиционные устои общества. Сократ — сомнительная фигура. С одной стороны, он, действительно, символ языческой добродетели, с другой стороны, христианских учителей волнует вопрос: действительно ли отдельные язычники могут быть названы «добродетельными язычниками» и, соответственно, являться образцами для подражания для христиан? Августин как один из наиболее авторитетных авторов в «Граде Божьем» отрицает такую возможность, хотя и оставляет допустимым использовать топос «добродетельного язычника» (*quanto maius*): если язычникам в определенные моменты и удавалось вести себя мужественно, быть целомудренными и добродетельными, то христианам должно быть стыдно, опираясь на божественную

благодать, не достичь того же. Отметим еще одну важную вещь: моральные принципы должны предшествовать философской мудрости. Сократ, который имел в древности репутацию величайшего философа, был, однако, обвинен в тех вещах, которые для христианства не были нравственно безупречными, а именно: нечестии, любви к юношам, одержимости демонами (даймоном).

Одним из первых апологетов Сократа в эпоху раннего Возрождения можно назвать Колуччо Салютати (1331–1406), находившегося в то время в центре гуманистического движения Италии. Его дом во Флоренции становится центром прогрессивно настроенной молодежи, среди его учеников будет и один из первых переводчиков Платона и Ксенофонта на латинский язык — Леонардо Бруни. Известно, что Салютати с удовольствием цитировал слова Цицерона о том, что Сократ принес философию с небес на землю (Цицерон. Тускуланские беседы. V, 4.10) [2, с. 326], видя в этом, несомненно, параллель со своими собственными усилиям по отвлечению молодых людей от занятий бесполезной натурфилософией схоластов и наставлениями к изучению литературы и моральной философии античных авторов.

Салютати обращается к авторитету Сократа как к одному из главных образцов античной мудрости и добродетели и, скорее, использует его образ в полемике со своими противниками. Причем в своей идеализации Сократа он дошел до того, что предположил: будь Сократ на месте ап. Петра в ночь перед распятием Христа, то он бы не отрекся от Него [14, р. 72–74]. В итоге Салютати был обвинен клириками в пропаганде языческого «нечестия». Самым значительным из критиков был кардинал Джованни Доминичи, выступавший против прославления античных мыслителей, в особенности против прославления Платона и Сократа. Он обвинил Сократа в нечестии, скептицизме, почитании «демона» и, собственно, был готов добавить к приговору афинского демоса приговор римской инквизиции [7, р. 380; 11, р. 341].

Пolemика будет продолжена учеником Салютати Леонардо Бруни (1370–1444), автором, как уже было сказано, одних из первых переводов Платона и Ксенофонта на латинский язык — «Апологии Сократа», «Крития» и «Федона» Платона, а также «Апологии» Ксенофонта. Переводы Бруни с соответствующими предисловиями и комментариями доказывали несостоятельность обвинений Доминиччи и его сторонников. Главный посыл Бруни — показать, что Сократ был, собственно, христианином до Христа. Так, в «Федоне» доктрина о бессмертии души рассматривалась им как основа морали, мужество Сократа перед лицом смерти свидетельствовало о его набожности; «Апология» раскрывала суть сократовской даймонии; «Горгий» демонстрировал полную гармонию учения Платона и Сократа с христианской мыслью (см. подр.: [11, р. 342]).

Однако Бруни не только акцентирует внимание публики на сократовской добродетели, согласующейся с христианской нравственностью, но идет и на более радикальный шаг — он корректирует сочинения Платона, чтобы скрыть от латинских читателей смущающие аспекты поведения Сократа. Он удаляет из «Федона» упоминания о любви Сократа к юношам, из «Федра» — беседу о предпочтении в выборе юного или зрелого любовника, в «Пире» речи о любви толкуются не как угроза христианской морали, а как источник знаний о божественных вещах. Объяснения в любви Сократу Алкивиадом и попытка

его соблазнения толкуются как преследование Алкивиадом Сократа за его мудрость. Согласимся с американским исследователем Джеймсом Хенкинсом, что Сократ Бруни кажется ближе не платоновскому Сократу, а, скорее, Сократу Ксенофонта, особенно в отношении его нравственной безупречности и его позиции о преимуществе моральной философии перед натурфилософией [11, р. 344]. Однако отметим, что доказательств того, что Бруни был знаком с «Меморабилиями» Ксенофонта, нет.

Гуманистическая интерпретация Сократа Леонардо Бруни была дополнена и систематизирована его учеником Джанноццо Манетти (1396–1459). В отличие от других гуманистов, Манетти не просто хочет реабилитировать Сократа в глазах христианства, но и делает попытку в своей интерпретации совместить гуманистические воззрения с христианскими. Он, с одной стороны, будучи представителем гражданского гуманизма, представляет Сократа добродетельным гражданином и «образцовым республиканцем», а с другой стороны, на его интерпретацию повлиял интерес к богословским вопросам.

Сократу Манетти посвящает одно из своих известных жизнеописаний — “*Vita Socratis*”, написанное на манер жизнеописаний Плутарха; интересно, что римскую пару Сократу составляет Сенека. Это первая биография Сократа со времен античности. Сочинение многократно переиздавалась и было важнейшим биографическим сочинением о Сократе в эпоху Возрождения. Источники, которые привлекает Манетти весьма многочисленны: Платон, Ксенофонт, Диоген Лаэртский, Цицерон, Сенеки, Апулей.

Итак, каковым же он видит Сократа? У Диогена Лаэртского он берет биографическое описание, касающееся происхождения Сократа, его внешности, семьи, образовании, участия в политической жизни Афин и т. д., причем, заметим, он исключает все анекдотические истории о Сократе, но зато упоминает, например, о его пристрастии к гимнастике и танцам. Все эти сведения он выстраивает в определенном хронологическом порядке, разбавляет цитатами из Апулея, Цицерона и др. источников, систематизирует и заканчивает на манер Диогена Лаэртского: говорит, как и в каком возрасте Сократ умер и о других известных Сократах.

Представляет интерес то, каким образом Манетти расставляет акценты в своей интерпретации Сократа. Суд над Сократом, принятие им яда, его смерть упоминаются кратко, зато представление о даимоне Сократа, о котором Диоген Лаэртский лишь упоминает, Манетти детально прорабатывает. Апеллируя к традиции, а именно к Апулею, он говорит, что даимон Сократа на самом деле был богом, а не демоном, и должен быть понят как ангельское присутствие в жизни Сократа. Кульминацией биографии, пожалуй, можно считать утверждение, что Сократ был первым, кто заговорил о риторике и о моральной философии, причем этические принципы он не только декларировал, но и демонстрировал их на деле. Поэтому все рассказы об эротических отношениях Сократа с юношами, говорит Манетти, — это ложь и клевета. Отношения Сократа с молодежью всегда были целомудренными и добродетельными, т. к. невозможно представить, чтобы человек, так благородно защищавшийся в суде, так мужественно принявший смерть, мог уступить телесным страстям [13] (ср.: [11, р. 345]).

Следующая интерпретация Сократа, о которой у нас пойдет речь, принадлежит эпохе Лоренцо Медичи и связана с именем Марсилио Фичино. Как известно, Фичино всю свою жизнь посвятил платоническому возрождению в философии и, что знаменательно, сам себя называл «Флорентийским Сократом». Однако сразу отметим, античное язычество никоим образом не противопоставлялось им христианской вере, скорее, оно призвано было помочь понять многие центральные доктрины веры, нуждающиеся в философской поддержке. Основными христианскими авторитетами для Фичино были Аврелий Августин и Дионисий Ареопагит, в понимании текстов Платона он прежде всего опирался на Плотина и Прокла. Фичино не отказывается от образа Сократа Манетти и Бруни, однако его увлечение неоплатоническими авторами приводит его к новой интерпретации Сократа. По сути, Фичино возрождает идеал «святого философа», ориентируясь на позднеантичную модель, в особенности на Порфирия.

Пожалуй, наиболее полное представление о Сократе Фичино дано в его письме теологу Паоло Феробанти. Отметим кратко его основные положения: Сократ не просто мудрец, но он святой и подобен Христу; его жизнь может быть рассмотрена как своего рода образ или тень жизни Христа. Подобно Христу, он был приговорен к смерти за то, что говорил правду. Он терпел голод, нужду, учил и упрекал грешников, ненавидел гордость и честолюбие, был милосердным и целомудренным. Более того — судьба Сократа и Христа имеет много параллелей [10, v. 1, p. 868; 11, p. 348].

Интересной представляется предложенная Фичино интерпретация «незнания» Сократа. Такой человек, как Сократ, — святой, вдохновленный Богом, конечно, не мог быть по-настоящему незнающим, поэтому признание Сократа в том, что он знает только о своем незнании, не должно восприниматься буквально. «Незнание» должно пониматься в первую очередь как выражение смирения, которое возникает, когда мы сталкиваемся с божественными вещами. Мудрость Сократа исходит от Бога через наставления даймона, а не приобретаете благодаря собственным естественным силам разума. Таким образом, как замечает Дж. Хэнкинс, сократовское «незнание» понимается Фичино в терминах негативной теологии Дионисия Ареопагита [11, p. 348]. То же самое касается и метода Сократа: сократовский метод (ἔλεγχος) призван освободить разум от интеллектуальной гордости и ложных мнений для получения божественного откровения. Здесь Фичино, как и многие, следует за Ксенофонтом: воздержанность (ἐγκράτεια) как основа добродетели должна предшествовать мудрости, быть ее основанием. В этом состоит отличие от Платона, считающего, что добродетель всегда соотносится со знанием, ибо знающий, как должно поступать, никогда не поступит недолжным образом, знание — условие добродетельного поступка [10, v. 1, p. 1397; 11, p. 438].

И наконец, рассмотрим, на наш взгляд, одну из самых интересных ренессансных интерпретаций Сократа — интерпретацию Эразма Роттердамского. Сократ для него, несомненно, один из главных философских героев, которого он вписывает в христианский контекст и делает образцом для подражания. Причем, заметим, образ Сократа для Эразма на протяжении его творческого пути меняется. Так, в «Энхиридионе» («Оружие христианского воина») (1503)

значимость Сократа для христианства вытекает из его мудрого и философского характера, а также его безразличного отношения к смерти. Однако уже в «Похвале глупости» (1509), а также в «Силенах Алкивиада» (1515) и диалоге «Пир благодетель» (1522) Сократ становится у Эразма символом парадоксальной природы христианства. По мере того как меняется изображение Сократа, меняется у Эразма и образ Христа, и, что интересно, как замечают Э. Бартолин и Л. Кристиан в статье «Фигура Сократа в сочинениях Эразма», эти два образа у него всегда связаны; толкование Эразмом Сократа имеет значение для его понимания Христа [6].

В «Энхиридионе» Сократ — предтеча христианской мудрости, основание которой Эразм находит в известном изречении платоновского Сократа о познании самого себя. Это изречение, говорит Эразм, «не имело бы для нас веса, если бы оно не сходилось с нашим Писанием» [5, с. 110], ибо, продолжает Эразм, «человек воюет не с человеком, а с самим собой, и как раз из собственного нашего нутра нападает на нас все время вражеский строй» [5, с. 110]. Самопознание — оружие, с помощью которого можно победить врага внутри себя, того самого ветхого Адама. Поэтому «существует один единственный путь к счастью: главное познать самого себя; затем делать все не в зависимости от страстей, а по решению разума» [5, с. 116–117].

Понимание Эразмом христианства в «Энхиридионе» носит явно стоический характер, так понимаемому христианству и подчинена его интерпретация Сократа. Отметим два момента: во-первых, безразличное отношении к смерти, каковым примером для христиан, по мнению Эразма, должен служить Сократ, утверждавший, что «душа <...> счастливо уходит из тела, если прежде она с помощью философии тщательно размышляла о смерти и задолго до этого привыкла презирать вещи телесные, а любить и созерцать — духовные, как бы уходить от тела» [5, с. 142]; и второй момент — наличие в любом деле самоконтроля, который возможен только посредством знания. И здесь Эразм снова обращается к словам Сократа: «Добродетель не что иное, как знание, чего надлежит избегать, а чего добиваться» [5, с. 164]. Пороков можно избежать, и можно научиться добродетели: у человека нет оправдания злодеяниям, если он знает, что такое благо, он всегда будет поступать согласно добродетели.

На первый взгляд в «Энхиридионе» акцент в интерпретации Сократа делается Эразмом исключительно на его мудрости и добродетельности, однако в третьей главе он неожиданно говорит:

Пренебрегая буквой, тебе прежде всего нужно думать о тайне. Таковы сочинения всех поэтов, а из философов — у платоников. Однако более всего — Священное писание, которое почти как силены у Алкивиада, под грязной и даже смешной оболочкой скрывает чистое божество [5, с. 143].

Несомненно, это намек на «Пир» Платона, в котором Алкивиад называет Сократа силеном. По мнению Э. Бартолин и Л. Кристиан, эта отсылка может быть понята как аллюзия на то, что Эразм предполагает, что в сочинениях Платона присутствует и другой Сократ — «Сократ тайны, силы и сокрытой славы» [6, р. 3]. И действительно, начиная с «Похвалы глупости», Эразм на место мудрого Сократа «Энхиридиона» ставит божественного «глупца», описанного

Алкивиадом. И что важно: именно такой Сократ, по мнению Эразма, позволяет нам понять мистериальную суть христианства и фигуру Христа, описанного в послании апостола Павла (1 Кор. 2: 1, 2: 6–16). Заметим, если в «Энхиридионе», Эразм говорит о «глупости» как о «скопище всякого рода пороков» [5, с. 107], «земной мудрости» [5, с. 108], преодоление которой возможно только через мудрость Христа, то совсем иначе будут обстоять дела в «Похвале глупости» — «Глупость» начинает играть роль мудреца.

Глупость, показывает Эразм, обратима. Вначале она кажется смешной, но в конечном счете оказывается, что она глубоко серьезна. Образ, который наиболее подходит для нее, — это образ силена и, соответственно, Сократа. «Возвещенный оракулом Аполлоновым в чин единственного в мире мудреца» [4, с. 56] как-то при выступлении с публичной речью, пишет Эразм в «Похвале Глупости», Сократ вынужден был удалиться, всеми осмеянный, «а ведь муж этот был настолько мудр, что даже отвергал звание мудреца, считая его приличным только богу» [4, с. 56]. Однако так ли был Сократ «глуп», когда отверг звание мудреца и отдал его Богу? Позже Глупость изобразит и Христа «глупцом», который спас других «глупостью креста». Глупость высмеивает «мудрость Сократа», которая привела его к осуждению и чаше с цикутой, но потом она же говорит, что христиане презирают жизнь и предпочитают смерть. Глупость высмеивает непрактичность Сократа, неспособность научиться ничему, имеющему отношение к обыденной жизни, а затем одобрительно говорит о равнодушии христиан к мирским благам [4]. Для Эразма Сократ и Христос есть, собственно, «божественные глупцы», один — мирской, другой — христианский.

В «Силенах Алкивиада» Эразм возвращается к образу Сократа-силена, и сравнивает его с Христом. Эразм дает подробное описание Сократа-силена: он не заботился о своей внешности, говорил просто, по большей части об извозчиках, сапожниках, суконщиках, кузнецах, был беден, имел сварливую жену, был смешон и подчас вообще казался шутом. Уникален же он был только в одном — в своем утверждении, что он знает, что ничего не знает [9]. Однако, говорит Эразм,

если вы откроете этого силена, внешне такого нелепого, вы обнаружите внутри кого-то, скорее, близкого богу, чем человеку, с великим и возвышенным духом, воплощение настоящего философа. Он презирал вещи, к которым стремятся обычные смертные, ради которых они готовы плыть по морям, идти в суд и даже на войну. Его не трогали оскорбления; ни удача, ни зло на него не влияли. Он ничего не боялся, и даже смерти, которая всех пугает <...> Так что было совершенно справедливо, что в то время, когда среди людей, называвших себя философами, этот шут был единственным человеком, которого оракул объявил мудрым. Тот, кто сказал, что ничего не знает, должен знать больше тех, кто самоуверенно заявляет, что знает все [9] (пер. наш. — С. К.).

Далее, говорит Эразм, давайте посмотрим на другие примеры: разве Христос не есть самый необычный силен из всех? [9] Родившийся от бедных, ничем не примечательных родителей, он был и сам беден, учениками у него были простые люди — рыбаки, сборщики податей, он претерпевал голод, оскорбления, издевательства, и все это закончилось крестом. Однако если Он благоволит явиться, то, говорит Эразм, «очищенным глазам нашей души» представится

«неописуемое сокровище». Он мог бы завоевать мир силой, вместо этого Он предпочел быть Силеном. Более того, именно такому примеру Он и хотел бы, чтобы подражали его друзья и ученики, а вместе с ними и все христиане [9].

Нельзя обойти вниманием еще одну работу Эразма, значимую для его понимания Сократа, — «Благочестивый пир». Замысел работы прост — представить христианизированный симпозиум. Группа благочестивых христиан приходит в прекрасный дом Евсевия, чтобы пообедать и поразмышлять на христианские темы. Первое, что встречает гостей в саду — это статуя Иисуса. Правой рукой Христос указывает вверх, в то время как левой Он, как кажется, приглашает и соблазняет прохожих. Приглашение и соблазнение, как мы знаем из речи Алкивиада, составляют не что иное, как саму суть силен. Эразму важно показать, что божественное всегда способно привлечь человека, одаренного внутренним видением. Такую способность к внутреннему видению и обманчивости внешнего Эразм обыгрывает в двух эпизодах.

Один из гостей, Тимофей, рассматривая убранства сада, восклицает:

Никогда не видел ничего милее этого фонтанчика посредине! Он точно улыбается всем травам сразу и сулит им прохладу в разгар зноя. «Но этот желоб, заключивший в себе воду и так щедро являющий ее нашим глазам, разделивший сад на две равные половины, так что травы с обеих сторон стараются заглянуть в него, будто в зеркало», — скажи мне, он мраморный?

На что Евсевий ему отвечает: «Бог с тобой! Откуда ко мне настоящий мрамор? Этот поддельный, из битого камня, а блеск ему придает гипсовая штукатурка» [3, с. 80]. Далее, продолжая прогулку, Тимофей снова будет введен в заблуждение увиденным. Придя в восхищение от галерей хозяина, он спрашивает: «Колонны, которые поддерживают кровлю, равномерно расставленные и ласкающие глаз дивным разнообразием красок, — они что, мраморные?». Евсевий ему отвечает: «Из того же мрамора, что и желоб», и добавляет: «... будь осторожен: не верь и не клянись, не подумав. Внешность часто обманчива» [3, с. 81].

Отметим еще один важный эпизод, который произошел уже на самом симпозиуме при обсуждении мужественного поведения Сократа перед смертью. Хризоглотт говорит:

мне кажется, я не читал у язычников ничего более близкого истинному христианину, чем то, что сказал Критону Сократ, поднося к губам чашу с цикутой: «одобрит ли наши труды бог, не знаю, но я изо всех сил старался ему угодит, и есть у меня надежда, что он не пренебрежет моими стараниями» [3, с. 101].

На что Нефалий говорит ставшие известными слова:

Поразительно! Ведь он не знал ни Христа, ни Святого писания! Когда я читаю что-либо подобное о таких людях, то с трудом удерживаюсь, чтобы не воскликнуть: «Святой Сократ, моли Бога о нас!» [3, с. 101]

Итак, если мы посмотрим, как развивались взгляды Эразма на Сократа, мы можем увидеть, что если в «Энхиридионе» он представлен как образец христианской мудрости и добродетели, то в «Похвале глупости» глупость Сократа

становится более важной, чем его мудрость, собственно, именно она и есть признак его божественности. Далее, в «Силенах Алкивиада» Эразм показывает, что незнание, нищета, простота Сократа-силена применимы и к Христу, которого он назовет величайшим Силеном из всех. И наконец, в «Благочестивом Пире» он оформляет и придает христианское значение такому на первый взгляд нехристианскому явлению, как симпозиум. Именно через Сократа Эразм приходит к пониманию того, что Христос был не просто величайшим и мудрейшим философом из всех, но и имел парадоксальную природу, его внутренняя сущность была замаскирована тем, что мир назовет Глупостью.

Заданный Эразмом образ Сократа-силена, скорее всего, послужил образцом и для Сократа «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле. Кратко интерпретацию Рабле можно свести к следующему: образ Сократ обманчив, поэтому если мы будем судить Сократа только по внешнему виду, то он некрасив и смешон, однако если мы заглянем вовнутрь этого ларца-силена, то, по словам Рабле, найдем «внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую». Понимание двойственной природы Сократа «Гаргантюа и Пантагрюэля» — несоответствие внешнего и внутреннего облика — является, по мысли автора, «образом» самой книги, ключом к ее прочтению:

...снадобье, в ней заключенное, совсем не похоже на то, какое сулил ларец; <...> Положим даже, вы там найдете вещи довольно забавные, если понимать их буквально, вещи, вполне соответствующие заглавию, и все же не вслушивайтесь вы пенья сирен, а лучше истолкуйте в более высоком смысле все то, что, как вам могло случайно показаться, автор сказал спроста [1, с. 30].

Итак, переходим к выводам. Ренессансные интерпретации образа Сократа можно свести к двум основным тенденциям: первая состояла в стремлении вписать Сократа как образец античной мудрости и добродетели в гуманистическую программу образования; вторая тенденция определялась желанием согласовать образ Сократа с христианскими представлениями. Важно, как расставлял тот или иной автор акценты при прочтении сократической литературы, а также какими были политические и религиозные установки. Так, в раннем Возрождении Колуччо Салютати, Леонардо Бруни, Джанноццо Манетти представляют, скорее, ксенофоновский образ Сократа как образцового гражданина, человека слова и дела, основоположника моральной философии. Их Сократ — это христианин до Христа. Фичино пишет своего Сократа, испытывая влияние неоплатоников: это — «святой Сократ», презирующий телесное и посвящающий себя религиозной мудрости. Особняком стоит Сократ Эразма Роттердамского. Эразм не только вписывает Сократа в христианский контекст в качестве образца для подражания, но и делает его символом парадоксальной природы христианства, образ которого подобен Сократ-силену из платоновского «Пира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н. Любимова. — М.: Художественная лит-ра, 1973.
2. Цицерон Марк Туллий. Тускуланские беседы // Цицерон Марк Туллий. Избр. соч. / пер. с лат. и комм. М. Л. Гаспарова. — М.: Художественная лит-ра, 1975. — С. 207–357.
3. Эразм Роттердамский. Благочестивое застолье // Эразм Роттердамский. Разговоры запросто / пер. с лат. С. Маркиша. — М.: Художественная лит-ра, 1969. — С. 75–116.
4. Эразм Роттердамский. Похвала глупости // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости / пер. П. К. Губера. — М.: Советская литература, 1991. — С. 25–156.
5. Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения / пер. и комм. Ю. М. Каган. — М.: Наука, 1987. — С. 90–217.
6. Bartholin E., Christian L. G. The Figure of Socrates in Erasmus' Works // *The Sixteenth Century Journal*. — 1972. — Vol. 3, N2. — P. 1–10.
7. Debby N. B. A. Renaissance Florence in the Rhetoric of Two Popular Preachers: Giovanni Dominici (1356–1419) and Bernardino da Siena (1380–1444) // *Socrates' morals denounced by Renaissance preachers*. — Turnhout: Brepols, 2001.
8. Dominici G. Lucula noctis. Texte latin du XVe siècle, précédé d'une introduction / ed. R. Coulon. // *Socrates' demon condemned by a follower of St. Catherine of Siena and a future cardinal*. — Paris: A. Picard, 1940.
9. Erasmus. The Sileni of Alcibiades // *The Great Conversation Volume III*. — URL: <https://www.abigailadamsinstitute.org/erasmus-the-sileni-of-alcibiades> (дата обращения: 10.09.2020).
10. Ficino M. The major works of the greatest Platonist of the Renaissance. Opera omnia [Complete Works]. 2 vols. — Basel: Henricpetri; reprint Turin: Bottega d'Erasmus, 1563, repr. 1983.
11. Hankins J. Socrates in the Italian Renaissance // *A Companion to Socrates* / ed. by S. Ahbel-Rappe and R. Kamtekar. — Blackwell Publishing Ltd, 2006. — P. 337–352.
12. Marsh D. Lucian and the Latins: Humor and Humanism in the Early Renaissance // *Includes remarks on the Renaissance reception of Lucian's Socrates*. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.
13. Manetti G. Biographical Writings // *Contains the first and most influential biography of Socrates in Latin* / ed. and trans. by S. U. Baldassarri, R. Bagemihl. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
14. Salutati C. De fato et fortuna [On Fate and Fortune] // *Discusses parallels between Socrates and Jesus Christ* / ed. C. Bianca. — Florence: Olschki, 1985.